

Прислонясь, закрываю глаза и ясно вижу впереди с большим освещенным окном проходную. Рядом ворота, вернее их контур, оплетённый колючей проволокой, дальше везде проволочные ограждения, а внутри два барака и напротив — кухня, медпункт. Напротив лагеря, на расстоянии 200 примерно метров — общежитие стражников и командования лагерем, два окна проходной и за одним сидит второй дежурный.

Открываю глаза — лагпункта нет, общежития охраны нет. Лицо, щёки, нос начинают замерзать. Вновь с трудом надеваю накомарник. Как будто бы немного притихла пурга, в нескольких десятках метров на фоне белой тундры увидел какую-то чёрную полосу. Стараюсь её не потерять, когда пурга снова понесла свои запасы снега, льда, камней. Обождав немного, начинаю двигаться к увиденной чёрной полосе. На какой-то момент снова увидел эту полосу, конечно, это не бараки. Постепенно добираюсь до неё и, к моему изумлению, вижу верхний борт автомашины. Обхожу её — противоположная сторона продувается. Залезаю и смотрю сверху — она на уровне окружающего снежного покрова. Передний угол автомашины чуть обнажён — он и привлек моё внимание. Машина стояла на автотрассе вблизи лагпункта, здесь её настигла пурга. В кабине пусто — значит, водитель её находится в лагпункте, а последний видимо в нескольких сотнях метрах отсюда. Новая надежда, а главное — я прав, что автотрасса вблизи. Посидев у замершего мотора автомашины, где было наиболее спокойно, вновь выглядываю, где же лагерь? Надо разведать, где лагерь, а если я потеряю свой надёжный ориентир?

* Окончание воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева. Начало см. журнал «На русских просторах №№ 1(40), 2(41), 3 (42), 4(43) за 2020 год, и 1 (44), 2 (45), 3 (46), 4 (47) за 2021 год. Публикатор Вячеслав Зайцев.

«Пурга продолжается. И я замерзаю», — говорит себе путник. И всё же он начинает уходить от автомашины, он двигается. Нет никаких признаков лагеря, возвращается обратно. Посидит, посмотрит, где машина, и вновь её находит. Пытается ещё раз идти, но нет сил. Просидел, наверное, с полчаса. Одежда — бушлат, телогрейка, ватные брюки — стали ледяными и перестали греть. Вдруг искра от угля делает какую-то фантастическую спираль, упала и потухла. Лагерь здесь! Чуть ли не кричит путник. В это время усилилась пурга, не удаётся моя вторичная попытка обследовать местность, я продолжал сидеть в углу около замёрзшего мотора.

Я уже начал сомневаться, была ли искра, может быть, это мираж? Продолжалось всё это минут 40 или больше. Но вот пурга начала стихать, а я чувствую, что замерзаю. Стал двигаться ползком, стараясь не потерять свой ориентир — автомашину. Смотрел вперёд, а откуда дуло — там автомобиль. Сделал шагов сто и опять начал колебаться: может быть, я на ложном пути, а возвращаться назад — значит замерзнуть.

Из положения лёжа путник стал всматриваться вперед, влево, вправо. И вдруг снова откуда-то пролетает искра. Она пролетела дальше. Сидел и всматривался, и его внимание сосредоточилось на появившейся чёрной или тёмной точке. Пополз к ней, точка увеличивалась и оказалась печной металлической трубой, выглядывавшей из снега менее чем на полметра и чуть тёплая. Наклонился к ней и почувствовал запах дыма каменного угля. Кричал я в эту трубу, вероятно, не своим голосом: «Помогите! Помогите! Помогите!». Стоял на коленях у спасительной трубы, но после моего крика как будто никто не реагирует.

Посмотрел путник и кажется, что кругом только безмолвная тундра и только несёт свои могучие волны пурга. И в тундре только я. Я повторил крик своим замогильным голосом еще раз: «Помогите!» Наконец я заметил, как в нескольких метрах приподнялась часть поверхности, и из-под снега появился чёрный силуэт. Человек что-то кричал и размахивал руками, но ничего не было слышно. Наш путник к этому времени был полутрупом и полз на четвереньках. Снизу кто-то придерживал крышку, кто-то хватал за ноги. Было темно. Когда я свалился под снег, меня схватили чьи-то руки и положили.

Наконец, я в бараке. Я вижу знакомые лица и потерял сознание. Очнулся я раздетый, лежал на нарах. Кто-то поил меня из ложки чаем, смешанным со спиртом, кто-то растирал чуть подмороженные руки.

Это были заключённые. Тут же здоровяк украинец — водитель машины Степан Марченко, один из передовиков автобазы. Тут был бригадир Грымзин — пожилой «работяга». Мы встречались и совместно работали в первые годы после прибытия на Чукотку. Тут был фельдшер, украинец, фамилию не запомнил. Начинать действовать горячий чай и спирт в нём. Мне было тепло и так хорошо. Спросил, сколько сейчас времени. Оказалось, около часа приводили в чувство, а времени — около четырёх часов утра. Марченко спросил: «Как пурга?», я ответил: «Свирепствует».

Позднее, когда путник очухался, он стал расспрашивать, что случилось с прииском — его узнать было нельзя за неделю после того, как он проследовал через него на прииск «Красноармейский». Ему рассказали: на второй или третий день подула пурга «Северяк» с таким обилием снега и такой силой, какого мы не знали в прошлые годы. Едва справлялись в борьбе с ним. Раньше снега надувало на высоту барачков, сейчас задуло плотным кольцом проходную и дом охраны. Как перестала дуть пурга, поступила команда в один-два дня отрыть дорогу и всех мобилизовали на чистку дороги. Дорога наша была уже почти готова. Вот Марченко успел проскочить до 24 километра, и тут начался мороз, а через 1–2 дня «Южак». Не удивительно, что не узнал лагпункт. Счастливо, что ещё добрался до печной трубы.

28/II, 1956 г. Я.Т.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пять лет — это 1726 дней — отбыл в так называемом исправительном трудовом лагере Чаун-Чукотки, после трёхлетнего следственного периода в нескольких тюрьмах в Москве. В это время я пережил тяжёлую акклиматизацию Чукотки, она продолжалась более трёх лет. Вначале в течение нескольких месяцев активный труд — работа в изматывающих горных условиях, с рабочим днем 14–15 часов. Проверки, обыски, разводы, ходьба 3–4 километра к месту работы и обратно, 12 часов работы, стояние у ворот лагеря у проходной, — всё это страшно изматывало заключённых.

Больные люди умирали на работе, так и я замертво свалился на работе и только через сутки или больше пришёл в себя в медицинском стационаре. Бедный стационар — отсутствие врачей, урки в их качестве, но там было тепло, кормили, не гоняли на работу, там я спал и спал. Через две — три недели я ожил, нет, воскрес, а через неделю, после выхода из стационара, вновь погнали на работу. Зимой работал в шахте, лето на строительстве промприбора.

По прибытии нового начальника лагеря назначен бригадиром строительства на прииске лагпункта № 2, а через месяц арестовали в системе лагеря. Посадили в холодный карцер — совпало с началом зимы, и началась подготовка нового «дела». Видимо, «уполномоченный НКВД прииска» был спец, фантазёр и карьерист, готовил дело о подготовке восстания в лагере. Только когда пригоняли с работы человек 10–15 уголовников, наказанных за отказ от работы, они ухитрились приносить что-либо из топлива, растапливали и становилось тепло. Утром нас оставалось человек 7–6, подготавливаемых к расстрелу (так нам говорили приходящие урки). Нам давали триста грамм полусырого хлеба и кусок пилёного сахара и до прихода с работы урок мы мёрзли. Так продолжалось около двух недель. Потом на прицепленных к трактору снях нас увезли в Певек. Нас раздели, и месяц сидели (одного из нас расстреляли). А через месяц нас освободили. Нашёлся прокурор гражданский на Чукотке, который нашёл, что у нас отсутствует состав преступления, то есть ни к какой подготовке восстания на прииске мы не имели никакого отношения. Мы, конечно, ни к какой работе были не годны, потому что просидели в холоде голодными более полутора месяцев. Немного работали в Певеке на заготовке торфа в условиях 30 градусов мороза и полярной ночи. Приходили на отдых в ледяной барак. Вскоре отправили всех на прииск «Красноармейский», к весне врачи признали у меня туберкулёз лёгких. В те времена там туберкулёз лёгких был неизлечим, и больные заключенные вскоре умирали.

Меня, как больного, использовали на работе в медпункте. В это время явился уполномоченный НКВД по прииску и потребовал отправить меня на работы в шахты. Но врач Миролюбов отстоял. Я с высокой температурой всё же работал. Оказалось у меня высшая стадия цинги. Отправили нас в Певек. Там мы отошли и через два месяца вновь отправили на прииск.

Через два месяца меня отправили на 48 километр — был заместителем прораба по строительству дороги. К зиме отправили в лагпункт 24 километра, который в этот период был штрафным, видимо, это козни уполномоченного по прииску. Потом в лагпункт 4 км, потом опять прииск «Красноармейский», далее Певек и 4 километр.

В этот период выполнял функции почтальона, инструктора, информатора — «инспектора» — ходить на прииски «Южный» и «Красноармейский».

Так дожили до июля 1946 года. Срок моего заключения окончился несколько лет тому назад, но не отпускали.

5 июля в Бюллетене КВЧ Чаун-Чукотского отделения СВТИ МВД было вроде объявления под заголовком «отличная работа на производстве — путь к высшему поощрению». Было напечатано: «За высокие производственные показатели, примерное соблюдение трудовой и лагерной дисциплины освобождены из лагеря 20 заключённых Чаун-Чукотского отделения СВТИ МВД, у которых закончился срок наказания, но были задержаны в лагере до особого распоряжения».

Среди освобождаемых Терентьев Яков Матвеевич.

Я сохраняю хорошую память о врачах прииска — Мироллюбове, Слостнове Я.Н., Черевчуке, Хмырёве и ещё о трёх врачах, фамилии которых не запомнил. Они неоднократно спасали меня от смерти. Был врач Стреле Артур — похожий на немца заключённый, который, когда я приходил к нему еле живой, осматривал очень небрежно, садился и говорил мне: «Я рекомендую вам отдых, принимать свежие овощи, мясной суп и обязательно кушать фрукты». Конечно, я больше не был у него ни разу. И отвечал ему, что желаю ему того же, что он мне посоветовал.

С благодарностью вспоминаю многих, хотя и фамилий их не помню. Среди них покойный бригадир Новиков, Зеленков, Собесский В.В., заключённого инженера-строителя Дородницына (тоже покойного). Благодарен я чукчам Лиле и Толькому. Я помогал советом и чем мог, мне в это тяжёлое время оказывали всяческую помощь.

Мир не без добрых людей.

22. 7.59. ЯТ

ЗАМЕТКИ

Книга «Адрес подвига — Дальний Восток». «Север потеплел» / С.А. Шайдуков — первый секретарь Магаданского обкома КПСС. Изд-во Хабаровск, 1974 г.

«...А возьмите Певек — город у самого Ледовитого океана! Там теперь и в полярную ночь, даже во время частых разрушительных “Южаков” (очень страшных своей силой ветров с юга) жизнь идёт своим чередом» (стр. 286).

«Показывая, какая стала Чукотка, нелишне будет привести признание человека, живущего по ту сторону Берингова пролива, в Канаде. Известный канадский писатель Фарли У. Моуэт, побывав не советском крайнем севере, в том числе и на Чукотке, заявил: “Гигантское, ни с чем не сравнимое впечатление! Школы, больницы, клубы. Среди коренных жителей Севера — инженеры,

врачи, учёные, композиторы, писатели. У нас нет ни одного эскимоса с высшим образованием» (стр. 302).

Разные заметки, выписки

Рви окна, подлая метель! (П. Антокольский)

Кто знает, что за ужасный холод свирепствует за границей? Высокие горы, тянущиеся на громадные пространства, пески, покрытые вечным снегом. Тресканье кожи и ломание пальцев от холода — вещь обыкновенная. Там даже летом носят собольи воротники. (Фань Шао Кунь)

О золоте

На прииске «Красноармейский» на некоторых участках в оловянной руде на касситерите в 1942–1946 гг., мы находили много зерен золота. Однажды я, при просушивании намытого касситерита, в порядке интереса набрал полпробирки зёрен за 30 минут. Показал бригадиру. Он сказал: «Золотом тут не интересуются, говорят — давай олово!»

Не помню в 1945 или в 1946 году я был вместе с бригадиром и геологом из Магадана на прииске «Красноармейский». Мы вышли из шахты с той стороны, куда производилась откатка оловянного камня. Там деревянные ворота были привалены большим камнем. Мы шли впереди, а геолог всё время отставал, то и дело отбивая кусочки руды своим молоточком и осматривая его. Он остановился у камня, который обыкновенно приваливали к двери ногами. Мы остановились, чтобы не оторваться от геолога, а он, смеясь, сказал нам: «Вы оказывается, прикрываете двери шахты камнем с примесями золота большого содержания». Начальник участка ему ответил, что мы знаем, что золото здесь есть, но у нас голова болит о касситерите.

Геолог на обратном пути прихватил большой кусок камня от вала, лежащего у двери.

Лауреат Ленинской премии В.А. Китаев подарил мне три тома книги «Время, события, люди». В предисловии было указано: 1956 год явился «первым годом добычи промышленного золота на участке Средний Ичувсем прииска “Красноармейский”... За открытие золота на Чукотке были удостоены Ленинской премии В.А. Китаев...»

И это правильно. Но я хотел подчеркнуть, что мы в то время о своих находках не могли кричать. Мы «не имели права голоса».

21. IX. 1975 Я.Т.

*Напечатано по рукописи — три тетради (май, июнь, июль 1984 г.)
/Подпись/ Н.М. Терентьева*